Алексей Амелин

Как её звать

Рассказ

Солнце неторопливо заступало на свою дневную вахту, все пристальнее присматриваясь к высокому холму на краю деревни. Ночевавший на холме туман неохотно сползал вниз, цепляясь за кусты и камни. У подножия все еще бушевал «призрачный шторм», но на самом холме уже можно было различить большой вяз, а под его раскидистой кроной — качели.

Она глотнула сырого воздуха и, сутулясь от утренней прохлады, побрела к холму. Надин боялась, что сегодня тоже никто не придет. Дважды она оглядывалась, надеясь увидеть как ее догоняют Лизи и Ники. Забравшись на холм, она провела по тропинке взглядом до самой деревни и, вновь никого не обнаружив, влезла на большие старые качели. Надин судорожно вдохнула очередной порыв ветра и оттолкнулась. Сейчас она казалась себе маятником в огромных антикварных часах и с силой раскачивалась, желая ускорить время ожидания. Но от ее тщетных усилий росла лишь амплитуда движений и шла кругом голова, ритм же «маятника» оставался неизменен — время шло своим чередом. И все же Надин упрямо раскачивалась, будто уже пытаясь заглянуть за горизонт. Ветер надувал ее платье парусом, пространства накатывали на нее сине-зелеными волнами лесов и полей.

Все-таки это было особое место. Отсюда было видно всю деревню и тоненькую невнятную тропку, которая как-то ненадежно, кривенько и с трудом соединяла холм с остальным миром. А еще отсюда всегда было видно, какая погода будет через час.

Каждый год в последнюю неделю каникул Надин, Лизи и Ники приезжали в деревню. В течение этой недели они каждый день ходили на холм и говорили о том, что не могли обсудить ни в школе, ни дома. Каждый вечер они рассказывали друг другу по одному секрету. Если к концу недели большие тайны Надин кончались, то она начинала выдумывать всякую чушь. Иногда Надин подозревала, что Ники тоже так делает. Только у Лизи — и больших тайн, и маленьких секретиков всегда было с лихвой. Она всегда предлагала их на выбор и никогда не успевала рассказать все.

Становилось теплее. В полях уже могло быть и жарковато, но в тени вяза на холме было хорошо. Надин давно уже перестала раскачиваться. Теперь она сложилась в качелях поперек сиденья, вспоминая прошлое лето, затем позапрошлое, затем... Надин задремала.

Амелин Алексей Владиленович родился в 1978 году в Воронеже. Окончил Воронежский архитектурно-строительный университет по специальности «архитектор». Работает в детской художественной школе преподавателем скульптуры. Ранее в журналах не печатался.

* * *

Птицы щебетали так громко, что спящая Надин нахмурилась, но открывать глаза не захотела. Бестактные птицы без конца сновали в недрах кроны, хлопали крыльями и галдели. В полудреме Надин мерещилось, будто они перешучиваются и смеются.

— ...о, смотри, она себе тут гнездышко свила!

— Интересно, что ей там снится!

— Нади-ин!

Надин почувствовала прикосновение...

— Глянь на нее! Хмурилась, жмурилась, а теперь вытаращилась! Будто это не мы, а... не знаю, кто там ей снился! — Лизи вовсю потешалась, толкая стоящую рядом Ники в ее тощий живот.

Надин чуть не грохнулась с качелей. Она уже было встала на ноги, но подруги вновь усадили ее и начали со смехом раскачивать. Смех опьянял, и их движения становились все более неуклюжими и косными. В итоге все трое оказались на траве. Лизи показалось этого мало, и она увлекла подруг на склон холма. Они катились по траве кубарем, хохоча и размахивая руками.

Вскоре уже мирно беседовали, тихонько покачиваясь на качелях. Дубовая доска как раз позволяла разместиться либо двум взрослым, либо трем тощим девчонкам.

К трем часам дня они успели обсудить многое, но конечно же еще не все. Однако тут выяснилось, что Ники ждут дома к обеду. Поднялся ветер. Ники спускалась с холма, одной рукой придерживая волосы, другой юбку.

Лизи задумчиво смотрела ей вслед:

— Она всегда так странно говорит, как бы запинаясь, будто по слогам.

— Это у нее акцент. Только я не знаю, какой.

— А еще у нее есть прабабушка, она зовет Ники «Верой». Больше ее так странно никто не зовет. А приехали они сюда... не помню, откуда-то из восточной Европы.

Лизи хмурилась, будто стараясь припомнить что-то еще. Становилось все пасмурнее и холоднее. Надин со вздохом поднялась с качелей:

— Может пойти дождь.

Они медленно побрели с холма. У подножия Надин зачем-то оглянулась, и на мгновенье ей показалось... но нет, это ветер раскачивал пустые качели.

* * *

Следующим утром первой на холм пришла Лизабет. Она села на качели и начала медленно раскачиваться, но что-то ей постоянно мешало — широкое сиденье, веревки так далеко друг от друга — качели под ней постоянно перекашивало, и она сбивалась с ритма. Даже сам скрип качелей в утренней тиши казался сегодня каким-то особенно резким, раздраженным. Наконец она перестала раскачиваться и сидела теперь неподвижно, глядя на тропинку, ведущую к деревне. Это продолжалось довольно долго. Со временем в ее глазах откуда-то появились слезы. Они делали картинку размытой, поэтому Лизи не сразу заметила, что на холм поднимается Надин. Пока Надин поднималась, вдалеке появилась и Ники. Ники махала им рукой, что-то кричала и делала какие-то странные маневры... то ли пританцовывала на ходу... нет, собирала цветы на заросших обочинах. Поднявшись, Надин оглянулась назад в попытке разобрать, что кричит Ники. Помотав головой, она махнула Ники рукой и подошла к качелям:

— Лизи! Ты плачешь?

— Я... когда шла на холм, я изо всех сил торопилась... а потом так долго ждала...

Надин села рядом, качели скрипнули и качнулись, она обняла Лизи:

— А давай придумаем идеальную подружку! Она никогда не будет опаздывать. Она всегда будет ждать нас у дерева, на качелях. Она будет мирить нас, если мы поссоримся. Она будет понимать больше, чем скажешь. Ей мы сможем раскрыть все-все свои тайны. А она будет рассказывать нам про все, чего мы не знаем. И ты никогда больше не будешь скучать на холме одна!

Едва Ники успела к ним присоединиться, как с погодой случилось что-то странное. Сначала потемнело так быстро, что никто не успел ничего сказать. А вскоре налетел такой ветер, что разобрать их визги и крики было уже невозможно. Девчонки стояли, плотно прижавшись к дереву и вцепившись друг в друга. Но дождь не шел как положено, сверху вниз, а хлестал практически горизонтально, постоянно меняя направление. Уже через полминуты девчонки полностью вымокли. А гром ударил так громко, что они присели. Толкая подруг, Лизи прокричала:

— Дедушка говорил, что нельзя в грозу прятаться под деревом на холме!

Молнии сверкали совсем близко, заставляя их жмуриться, гром оглушал, ветер неистово раскачивал качели. Казалось, что ветер поет какую-то тревожную заунывную песнь. Ее неясные слова состояли только из гласных, куплеты смешивались, начало и конец менялись местами, невнятные фразы обрывались на середине и повторялись вновь. Вокруг холма теперь ничего не было видно. Лизи убрала волосы со лба и попыталась разглядеть хоть что-то. Сквозь зыбкую пелену она смогла различить свой шарф, оставленный на качелях. Шарф растянулся ветром во всю длину, но что-то его удерживало. Лизи присмотрелась к качелям, взвизгнула и метнулась с холма вниз. За ней тут же устремились подруги. Они кричали, поскальзывались на мокрой траве и налетали друг на друга.

* * *

К вечеру того же дня уже было тихо и солнечно. О недавнем ненастье в деревне напоминали лишь несколько упавших сухостоев на окраине и большая лужа на главной улице.

Выйдя из дома, Ники сначала отправилась к Надин, а потом они вместе зашли за Лизи. Немного посовещавшись, решили идти на холм немедленно. По дороге они строили по поводу холма всяческие предположения и активно придумывали, «что они будут делать, если...». Надин старалась настроить всех на рациональный лад. Ники все больше помалкивала. А Лизи неустанно твердила: «Ничего мне не показалось!»

Уже темнело, и разглядеть издали, есть ли кто на холме, было трудно. Напряженно всматриваясь в полумрак под сенью вяза, они потихоньку дошли до подножья и остановились. Теперь качели от них скрывала кромка холма. Было только слышно скрип и еще что-то... Лизи прохрипела полушепотом:

— Мне кажется, она там.

Пока они осторожно поднимались, с холма все слышнее звучала... вроде бы песня, то будто издалека, то совсем рядом. Разобрать слова было трудно. Когда они поднялись на кромку, пение прервалось, и голос, похожий на шелест листвы, тихонько пропел:

— Меня зовут Бетти. Ничего, что я заняла ваши качели? — Не дожидаясь ответа, она продолжила напевать:

Бетти
Бьюти
Лизабетт
Твой ответ
конечно «нет».

Подруги молча стояли на кромке холма, вглядываясь в смутный силуэт на качелях и боясь подойти ближе. Тогда их новая знакомая вновь зашелестела:

— Сегодня особенный день. Вы впервые увидели меня. И вы в последний раз встретились друг с другом.

— С чего нам тебе верить!? — громко и раздраженно усомнилась Лизабет, сама удивляясь своей смелости.

— Мне незачем врать, и... я не знаю ничего кроме правды.

— Если мы здесь в последний раз, то... то у этого должны быть какие-то причины!

— Да. Будет причина. У каждой своя, — голос звучал так, будто Бетти улыбалась. — Помнишь, Лизи, вы все обещали друг другу в конце каждого лета встречаться на холме, никогда не рассказывать другим ваших общих секретов и никогда не выходить замуж?

Подруги этого не увидели, но Лизи побледнела, затем вдруг покраснела:

— И что!?

— Ты выйдешь замуж первой. Даже колледжа не окончишь. Уедешь в Канаду... и никогда уже не вернешься на холм.

Лизи молчала.

— А я? — голос Надин звучал гневно и вместе с тем обреченно.

— Ты недавно отправляла свою анкету в Кембридж...

— Да, но...

— Тебя приняли. Почта в этих краях не очень расторопна. Хоть и с некоторым опозданием, но ты все же получишь их ответ. Англия далеко. У тебя не будет возможности ездить сюда каждое лето. А после отличной учебы тебе предложат очень хорошее место...

Вдруг Ники вскрикнула со слезами на глазах:

— Не говори про меня! Я, кажется, знаю...

Стало очень тихо, слишком тихо. Затянувшееся молчание прервала Лизи:

— Откуда ты такая взялась? Раньше все было хорошо, раньше тебя тут не было!

— Просто раньше вы меня не звали. А я всегда была... там, где не было вас. А сейчас я там, где вас вскоре не будет. Скоро вы разъедетесь кто куда, и холм опустеет надолго, может, навсегда. По крайней мере, вы больше никогда не будете сидеть здесь, как раньше.

— Но почему? — Ники была готова расплакаться. — Надин! Ты никогда не говорила, что собираешься поступать! Лизи! Это все из-за этого твоего придурка Фрэнка!

Лизи фыркнула:

— Просто у тебя, Ники, никогда не было парня, тебе этого не понять...

Надин тоже не стерпела:

— Я не виновата, что у меня в отличие от вас есть мозги! Были б они у вас, мы учились бы вместе, на одном курсе!

Ники ткнула пальцем в сторону качелей:

— Это она нас всех перессорила! — Ники орала и выла.

— Я только сказала правду, — холодно шелестела Бетти, — а дальше... это ваша слабость, а не моя вина.

— Может, у тебя есть какая-нибудь другая правда?! — стенала Ники.

— Даже если бы вы ничего не узнали сегодня, все равно завтра это случилось бы. Может, это вас утешит.

— Теперь наши качели достанутся тебе?

Бетти тихо смеялась:

— Нет! Вскоре не будет ни качелей, ни дерева, ни деревни.

— Не может этого быть!

— Отчего же?

— Так не бывает! Не бывает, чтобы... чтобы даже ничего нельзя было сделать!

— Вы хотите, чтобы все было как раньше?

Подруги переглянулись:

— Хотим.

— Для этого хоть кто-то из вас должен будет остаться здесь, в деревне.

— Я смогу только до конца недели... — промямлила Ники.

— Нет. Навсегда, — голос Бетти звучал теперь твердо и звонко.

— Мы можем приехать следующим летом... — робко предположила Надин.

— Нет, кто-то из вас должен будет приходить на холм каждый вечер. Иначе уйду я. Тоже навсегда. А там, где нет... никого, вскоре не будет... ничего.

Совсем стемнело. Бетти стала едва различима. Теперь уловить ее движения было трудно, а понять выражение лица невозможно. Стало тихо. Только Надин еле слышно бормотала:

— Больше никогда...

— Как это «больше никогда»?! — встрепенулась Лизи. — А все наши секреты, все наши обещания...

— Вы будете это помнить, — мерно шелестела Бетти.

Надин опустила голову:

— Мы будем помнить, помнить... и забудем. А потом... забудут нас.

Ники кричала:

— Это было! Было по-настоящему! Я не хочу ничего забывать!

Бетти улыбалась:

— Не грустите об этом. Холм помнит все, что вы забываете.

— А ты? — вдруг спросила Лизи. — Ты теперь будешь одна?

— Не волнуйтесь за меня. Когда-то кто-то обязательно придет на какой-нибудь другой холм. Там тоже будут старые качели, и чтобы мне не было скучно ждать, ветер будет качать меня. А с вами мы обязательно еще увидимся, только это будет не скоро, и... вам не надо спешить.

Лизи почти улыбнулась:

— Ты не злая... и... кажется, теперь мне будет тебя не хватать.

— Меня всегда не хватает. Всем. Но я обязательно буду...

Порыв ветра принес какой-то отдаленный, пронзительный, надрывный гудок, полный нетерпения и тревоги. Гудок натужно взвыл и резко оборвался. Лизи подошла к качелям и подняла свой шарф. Теперь они слышали только скрип раскачивающихся на ветру качелей и тихий жалобный вой — это ветер, как неприкаянный путник, рыскал по окрестностям в поисках приюта, ветер, как слепой скиталец, пытался нащупать своими холодными прикосновениями что-то родное, давно покинутое, но незабвенное.

На следующее утро Надин узнала, что срочно должна ехать. Письмо пришло с большим опозданием, все сроки уже прошли, и теперь надо было торопиться. Родители Ники сообщили родителям Надин, что теперь рейсовых автобусов из деревни не будет и Надин придется ехать проходящим, сегодня же вечером. Ники и все ее семейство тоже отбывали на днях. А Лизи теперь предстояло целую неделю проторчать в деревне одной.

Лизи и Ники вышли проводить подругу на автобус. В этот день к вечеру неожиданно и сильно похолодало. Ники куталась в пальто и бормотала:

— Я утром слышала, как дядя Стефан говорил, что деревню скоро отключат от этих... кому-никому-акаций... в общем, вечерами теперь будет темно и холодно.

— ...почему все это происходит? — негодовала Лизи.

Надин посмотрела куда-то очень далеко, туда, откуда должен был появиться автобус:

— Наверное, время идет куда-то в свою сторону, куда-то мимо этих мест. И нам придется отправиться вслед за ним, — она вдруг обернулась на холм и добавила: — Теперь это не для нас, теперь для нас другое.

Ники опустила голову:

— Раньше мы не могли уехать. Прабабушка болела, она почему-то хотела, чтобы ее похоронили здесь, на нашем деревенском кладбище. Ой, чуть не забыла! — Она сунула руку в свой рюкзачок и достала резную деревянную коробку. — Когда прабабушка умерла, мама отдала мне ее шкатулку. В ней было много красивых открыток, старинных монет и фотографий неизвестно кого. Еще там было одно неотправленное письмо без адресата. Мне нравится его перечитывать. Теперь я уверена, там написано о холме. — Ники осторожно развернула хрупкий, пожелтевший лист и прочла вслух:

«Кто она? Она может долго молчать, может терпеливо ждать, когда ее позовут. Сестра каждого одиночества. Она знает. Слишком много. Все. Иногда она говорит то, что нам не хотелось бы знать. Зачем? Может так она просит нас торопиться, напоминает о чем-то очень важном? Она — тайна? Она — смерть? Она — само время? Редко, когда мы успеваем ее приметить. А встретив, зачастую боимся. Она сама будто никуда не торопится, но всегда торопит нас... Сестра Краткость... Мы в страхе бежим, спешим что-то предпринять... в этой суете обретаем знания, смыслы, находим свое, свое место, свое счастье, свое будущее, становимся лучше, в общем — живем. Без нее жизнь наша стала бы не похожа на жизнь. Без нее обленились бы мы все до невозможности, до полной и неколебимой невозможности чего бы то ни было в принципе. Ибо ни на что не способны те, кому совсем-совсем некуда торопиться. Но чего же хочет она сама? Может ли она хотеть... так, чтобы хоть кому-то стало не все равно, чего она хочет? Очень просто — я думаю, она хочет, чтобы каждый год, каждый день, каждый раз что-то менялось, чтобы у всего всегда было продолжение...»